

Светлана Тезек

студентка IV курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И МОЛДАВСКИХ ПОСЛОВИЦ

Tezec S. Cultural and Linguistic Characteristics of the “Happiness” Concept in Russian and Moldovan Proverbs.

Proverbs and sayings shape and reflect an “ethnic outlook”, specific Weltanschauung of an individual ethnic group, therefore their study and comparative analysis is one of the priorities of the modern philology. The concept of “happiness” as a basic one in the outlook of any ethnic group determines its system of values. The specific features of the “happiness” concept in Russian and Moldovan proverbs and sayings comparatively described and explained is a rather hot issue in linguoculturology and ethnopsycholinguistics. The article contains a brief excursion into history of interpretation of the concept of “happiness”. The researcher compares relevant semantic elements within lexical boundaries of the linguistic concept of “happiness” in the Russian and Moldovan languages. The results are shown in tables.

Культурные ценности составляют центральную часть национальной картины мира и находят различные способы языкового выражения, но изучены недостаточно. Представление о «счастье», являясь базовым концептом в картине мира любого этноса, определяет его систему ценностей, задает систему координат национальной картины мира, в том числе русской и молдавской. Описание и объяснение специфики концепта «счастье» в сравнительном аспекте чрезвычайно актуально в лингвокультурологии и этнопсихолингвистике, так как позволяет выявить ментальные особенности двух народов, которые необходимо учитывать при разработке стратегий межкультурных коммуникаций,

Понятие «концепт» мы употребляем в толковании В.И. Карасик и Г.Г. Слышкина («условная ментальная единица для комплексного изучения языка, сознания и культуры»), которое они используют в работе «Лингвокультурный концепт» (Карасик, Слышкин 2001), где приводятся одиннадцать положений, характеризующих и объясняющих этот термин. В частности, **лингвокультурный концепт** соотносится с тремя сферами со-

знание, культура и язык: сознание — это область пребывания концепта (т.е. концепт лежит в сознании); культура детерминирует концепт (т.е. концепт — ментальная проекция элементов культуры); язык и/или речь — сферы, в которых концепт опредмечивается (Карасик, Слышкин 2001).

Центром концепта всегда является ценность; концепт группируется вокруг некой ценностно акцентуированной точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые — периферию (там же).

За последние годы появилось несколько новых работ, касающихся концепта СЧАСТЬЕ — одного из «наиболее ценностно-окрашенных концептов культуры» (Маслова 2001: 23); Воркачев С.Г. и Воркачева Е.А. «Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая», 2003; Воркачев С.Г. «Концепт счастья: понятийный и образный компоненты», 2001; Залялеева А.Р. «Концепт «счастье» в современном русском языке», 2004; диссертационное исследование Михайленко О.М. «Лингвоэтическая картина мира:

концепты «Счастье» и «Блаженство» как семантические дуплеты», 2006; Колесов В.В. «Судьба» и «счастье» в русской ментальности», 2002.

Все вышеназванные работы рассматривают лексему или концепт «счастье», в основном, опираясь на материалы современной либо классической литературы, а паремии являются лишь оттеночным средством для выявления неких закономерностей и особенностей. Работ, в которых специально исследуется провербиальный концепт СЧАСТЬЕ в каком — либо языке, мы не встречали, как и исследований, где приводятся результаты сравнительно-сопоставительного анализа русского и молдавского провербиальных концептов «счастье».

Между тем, сравнительное изучение фольклора, и, в частности, такого его жанра, как пословицы, признанного среди наиболее культурноносных языковых сущностей, обеспечивает выведение культурного материала на грань Диалога культур. Пословицы и поговорки формируют и отражают «этническую картину мира», проявляют особенности осмысления мира каждым отдельным народом, являются составной частью коллективной когнитивной базы, представляя собой вербальные прецедентные феномены, а именно *прецедентные высказывания (ПВ)* или *прецедентные ситуации (ПС)* (Красных 2002: 48). При внешней хаотичности обра-

зов и эмоциональных оценок пословицы в своей совокупности выстраиваются в определенную систему этических взглядов и рекомендаций. Соответственно, пословицы являются одним из полноценных источников для исследования концептосферы национальной картины мира, ее ценностной системы, которая рефлексруется в таких базовых концептах как *любовь, ненависть, счастье, беда* и др.

1. Сравним словарные контуры языкового концепта «счастье» в русском и молдавском языках:

- в русском языке понятие счастье представлено одной лексемой, а в молдавском — двумя (**fericire** и **noroc**); различие между этими молдавскими лексемами стилистическое и этимологическое, прежде всего они противопоставляются как слова литературное и народное, (не случайно, в молдавских пословицах всего дважды употребляется **fericire**, а в остальных случаях **noroc**;

- и русские, и молдавские толковые словари предлагают по четыре толкования понятия «счастье». Словарные контуры русского и молдавского концептов счастье имеют некоторые общие характеристики: случайность, желанная неожиданность, спорина в деле, не по расчету (в русских толковых словарях) и неожиданный случай, происшествие, с благоприятными обстоятельствами, которые обеспечивают успех (уда-

Табл. 1.

	русские	молдавские
Синонимы	благополучие, благодать, благоденствие, блаженство, победа, удача, успех, случай, а так же судьба, доля, участь, рок	<i>Fericire</i> – <i>apărăre</i> (защита), <i>ocrotire</i> (оберегание), <i>păzire</i> (сохранность), <i>protejare</i> (защита), (нар.), а также <i>noroc</i> (счастье), <i>norocire</i> (удача); <i>noroc</i> – <i>șansă</i> (шанс), <i>norocire</i> (удача), <i>baftă</i> (удача), <i>fericire</i> (счастье), <i>destin</i> (рок), <i>menire</i> (предназначение), <i>soartă</i> (судьба), <i>partea</i> (судьба)
Антонимы	несчастью, горю, беде и злосчастью	<i>fericire</i> – <i>nefericire</i> , <i>nenorocire</i> , <i>suferință</i> , <i>tristețe</i> (счастье – несчастье, неудача, страдание, грусть) и <i>noroc</i> – <i>ghinion</i> , <i>nenoroc</i> , <i>nenorocire</i> , <i>nefericire</i> (неудача [в какой-то момент], несчастье, горе, несчастье по жизни)

чу) какому-либо действию, исполнение желания (в молдавском).

Но есть и своя специфика: русское понятие более абстрактно и более глобально, а молдавское более конкретно и нюансировано. Сравнение русских и молдавских антонимических и синонимических рядов подтверждают данный вывод (см. Табл. 1).

В молдавском варианте синонимы несколькократно проявляют защищенность как актуальный элемент значения в понимании счастья у молдаван, в то время как синонимы в русском языке актуализируют счастье как состояние блаженства, благодати, благоденствия. Также обращает на себя внимание молдавские антонимы *suferința* и *tristețea*, которые проявляют понимание счастья и как сиюминутного состояния.

Далее отметим, что контуры провербиального концепта «счастье» и «fericire», «noroc» не совпадают со словарными, а именно расширяют их границы. Русские пословицы дополняют словарный антонимический ряд такими антонимами как **бессчастье, горе, беда, ненастье, напасть**, а синонимический такими сопоставлениями как бог, ум, труд и др. В молдавских пословицах с компонентом «fericire», «noroc» мы вообще не встречаем прямых противопоставлений, а вот провербиальными антонимами мы можем назвать **ссора и издевательство**. Если говорить о синонимах, то только в двух пословицах мы встретили синоним *partea* (судьба) (который отражен в словарной статье), а также контекстуальными синонимами «счастья» выступают **старание, ум, труд**.

Особенно отчетливо свою культурно-языковую специфику русская и молдавская модели провербиального концепта проявляют в сопоставлении (см. Табл. 2). Причем составляющие русского провербиального концепта «счастье» более связаны между собой, чем в молдавском провербиальном концепте.

Общим для обеих моделей является взаимосвязь с концептами: «богатство», «помощь», «труд», «лень», «ум», «красота», «честь», «удача», «судьба» и такой концепт как «изменчивость». Однако, несмотря на схожесть концептов в каждом из них присутствующие специфичные для этносов составляющие. Одной из наиболее часто сопрягаемых концептов и в русских и в молдавских паремиях с компонентом **счастье** можно назвать провербиальный концепт «ум». (В русских пословицах — 17 раз, в молдавских — 13.) И русский, и молдаванин отмечают, что *счастье без ума ничто, то есть где ум, там и счастье*, потому что счастье без ума в рус-

ских пословицах — это *дырявая сума*, а у молдаванина *ум хорош, если в братстве со счастьем*. Еще одним сходством является противопоставление **умного** и **дурака**. Молдавские пословицы утверждают, что *нет дыма без огня, как и дурака без счастья*, русские же не сравнивают, а просто констатируют, что *дуракам во всем и везде счастье*. Особенностью этого типа русских пословиц является связь с концептом «бог» (*если счастье дураку, то умному бог помогает*, то есть **бог** противопоставляется **счастью**), а также сопряженность с такими концептами как «лень», «богатство», «терпение», «красота». В молдавских пословицах мы можем отметить только провербиальные синонимы лексемы **ум** — это разум (*intelepciunea*) и голова (*cap*).

Следующим компонентом, характерным и для русского и для молдавского провербиального концепта «счастье» является «**богатство**» или «**bogație**» в молдавском. Он представлен в 16 русских пословицах и только в четырех молдавских. Очень важно отметить, что если, судя по молдавским пословицам, *счастье в деньгах (есть деньги есть и счастье)*, то для русского *счастье дороже и лучше богатства*, потому что, если нет счастья, то его *на деньги не купишь*. То есть для русского **счастье** имеет большую ценность, чем деньги (*золотники, алтын*), для молдаванина именно наличие денег и *богатства*, обуславливает возможность счастья. Специфическим для русского провербиального концепта «богатство» является то, что в русских пословицах он представлен намного шире, чем в молдавских. Русские паремии передают восприятие богатства через бедность, которая противопоставляется счастью, причем счастье здесь окрашено в негативный оттенок *бедность учит, а счастье портит*.

Общим компонентом для русских и молдавских пословиц, отражающих концепт **счастье** является **помощь**: как правило, счастье **помогает** смелым и храбрым.

В картине мира, как русского, так и молдаванина важным компонентом счастливой жизни является **труд**: (*труд человеку счастье приносит* (в молдавских пословицах) и *счастье у каждого под мозолями лежит* (в русских)). И молдавские и русские пословицы утверждают, что *счастье такое, каким человек его делает* (молд.) или *каждый кузнец своего счастья* (рус.).

Лень как компонент провербиального концепта «счастье» отражается в русских и молдавских паремиях по-разному. Но в первую очередь отметим, что мы не встречаем в

пословицах с компонентом «счастье» лексему *лень*, а только лишь *сему*. Молдавские пословицы так определяют ленивого — это тот, *кто сидит*, и, таким образом, *свое счастье привязывает*, или тот, кто стоит и ничего не делает, и при этом его счастье, тоже стоит. А вот русский «лентяй» на печи лежит, а счастье само приходит, находит его там и старается согнать с печи (*счастье придет и с печи сгонит*).

Честь, судя по пословицам с компонентом «счастье», является одной из главных ценностей в культурах обоих этносов, однако, если молдавские пословицы говорят о чести как о бесценном качестве счастливого человека (*у чести нет цены, счастлив тот, у кого она есть*), то русские представляют честь как отсутствие причин для стыда (*первое счастье — коли стыда в глазах нет*).

Как для русского, так и для молдаванина, очевидно, важно быть удачливым человеком, поэтому проverbsиальный концепт «**удача**» часто проявляется имплицитно (в 18 русских пословицах и в 16 молдавских). Удачливого человека русские пословицы определяют следующим образом: ему и *промеж пальцев* и в *зубах вязнет*, на нем и *платье не пачкается*, у него и *петух несется*, даже *грибы* и то *по два на ложку* попадают, он *что калач в меду*. В молдавских пословицах об удачливом говорят: он *со счастьем за спиной или в руках*, его *счастье догнало, настигло, ударило* или *за волосы держит*, а также ему счастье *улыбнулось, пожало руку*.

Паремии обоих этносов свидетельствуют, что **счастье** воспринимается через призму земледельческой деятельности: русский мужик *на авось* или *на удачу* и *хлеб сеет*, а у удачливого молдаванина, даже если он *камень и уголь посеет*, *все взойдет*.

Русская пословица подчеркивает, что человек может быть удачлив в одном и несчастлив в другом: *счастлив игрой, да несчастлив женой*. Причем данное противопоставление актуализирует, на наш взгляд, в представлении о **счастье** прежде всего ценность удачного брака.

Такой сопряженный с концептом счастье концепт как «**красота**» и в русских и молдавских пословицах связан с судьбой, говорят о благоприятной судьбе, как о счастливой звезде (*родиться под счастливой звездой*). Судя и по русским и по молдавским пословицам, быть наделенным благосклонной судьбой важнее, чем красотой: так русские считают, что важно *родиться не красивым, а счастливым*, потому что *счастливое дитя и без сорочки счастливо*; а молдавская пословица

гласит: *роди меня мама счастливым, а потом и в огонь бросай*.

Следует отметить, что в русских пословицах сопряженный с концептом **счастье** концепт **судьба** представлен такими лексемами как **рок**, **доля** и **судьба**. А в молдавских пословицах только дважды встречается лексема “*partea*” (судьба), остальные 7 говорят о судьбе имплицитно. Для молдавской картины мира характерна взаимосвязь судьбы и счастья (*какая у тебя судьба и счастье, такое у тебя в мире место; каждый со своим счастьем живет; счастье к некоторым раньше приходит, к другим позже, а к некоторым никогда*). Русские пословицы также акцентируют на этом внимание, говоря о судьбе как о **доле** (*где нет доли, тут и счастье невелико*). Кстати, бросается в глаза, что в русских пословицах лексема **доля**, употребляется, как правило, с негативной коннотацией (*на мосту с чашкой, дождь, да ненастье, вода в бредне, вместо хлеба уродилась лебеда*).

Для русского концепта “счастье” характерна связь с такими очевидно важными для русской культуры концептами, как **надежда**, **радость**, **правда**, **совесть**, **воля** и, как мы отмечали выше, концептом **бог**. В свою очередь, молдавский проverbsиальный концепт “счастье” связан с концептом **старание**.

В целом, сравнивая модели русского и молдавского проverbsиального концепта (см. таблицу), следует отметить, что русский проverbsиальный концепт более четко и системно структурирован, чем молдавский; взаимосвязанность и взаимозависимость между его компонентами более четко проявлена и подтверждается несколькократно, а в молдавском проverbsиальном концепте компоненты более изолированы между собой и их связь не так очевидна и бесспорна.

Общими компонентами русского и молдавского проverbsиальных концептов являются следующие: богатство, помощь, труд, лень, ум, красота, честь, удача, судьба, изменчивость.

Национально-специфическое в пословицах с компонентом «счастье» отражает достаточно большая группа русских пословиц, содержащих противопоставления **несчастье**, **бессчастье**, **ненастье**, **горе**, **беда**. В то же время, для молдавских пословиц противопоставления менее характерны, а заключение о том, что молдаванин противопоставляет счастью **ссоры**, **издевательства** и **беспорядок** можно сделать, опираясь всего лишь на две пословицы (*счастье обходит те места, где есть ссора и издевательство, и счастье там, где все на месте* — см. Табл. 2).

Табл. 2. Сопоставление моделей русского и молдавского proverbialных концептов «счастье».

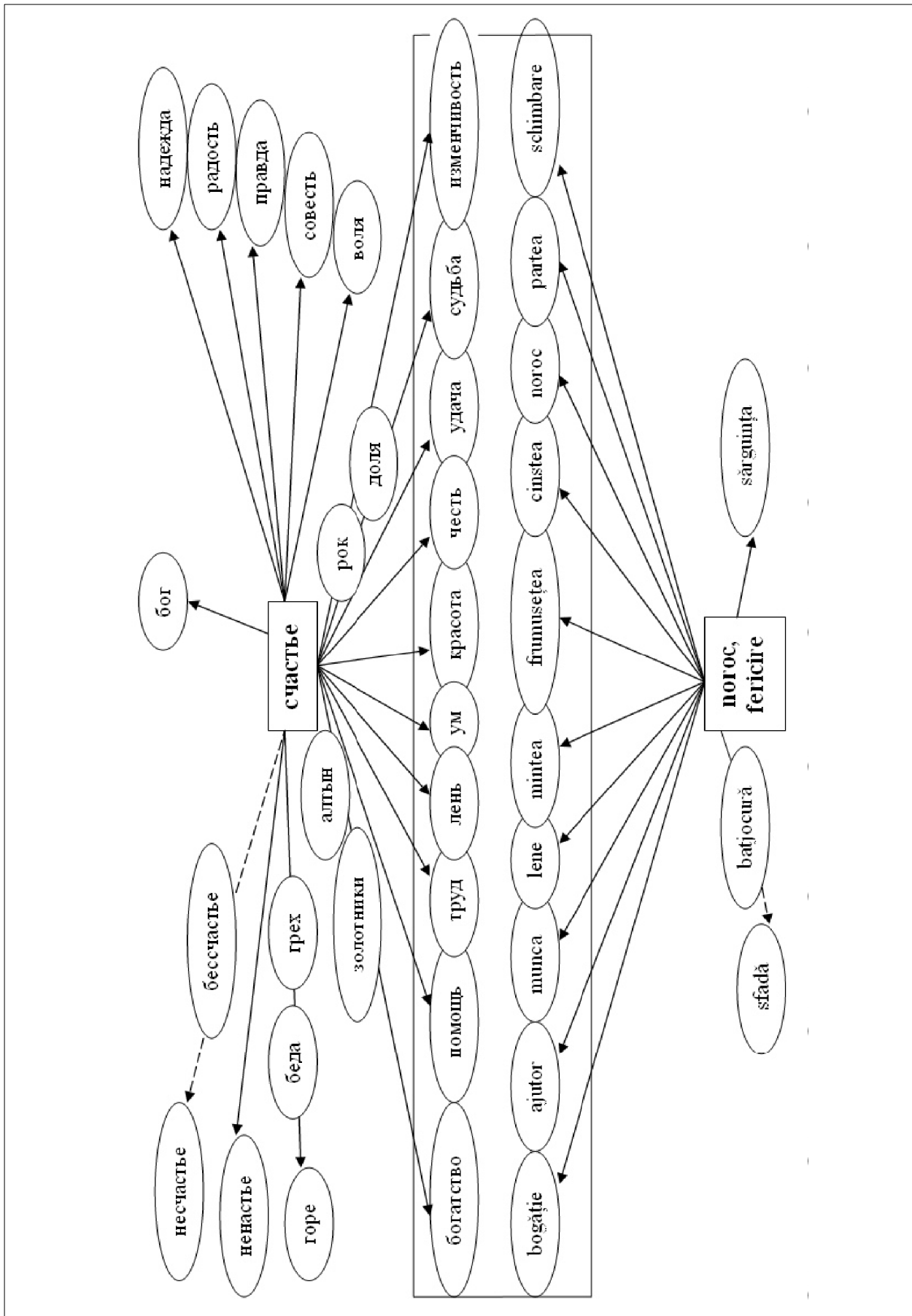

Табл. 3. Персонификация «Счастья» в русских и молдавских пословицах.

движение		действие		бездействие		эмоции		экзистенциальность	
русские	молдавские	русские	молдавские	русские	молдавские	русские	молдавские	русские	молдавские
Едет (ездит) Придет Уйдет Покидает Не везет Не прилетит Разбежалось Проскочило Сойдется	Бежит Настигает Догнало Двигается (как камень в гору) Идет (шагает) Приходит Течет (потоком)	Отпало Портил Вянет Увязло Стонит Нанекает Валится	Растет (увеличивается) Оставляет Не валится	Захотело и село Село Лежит Слежалось	Остановилось Стоп Встало (на дороге) Поджидает Дремлет Не спит	Улыбаются	Плачет Смеется Улыбнулось	Живет Служит Помогает Ума прибавляет Обманет Скроется Любит	Наливает Служит Помогает Не делится Держит за волосы У дарило

И в русских, и в молдавских пословицах счастье персонифицируется. И если соотнести эти персонификации в русском и молдавском провербиальном концепте, то они очевидно непохожи. Очень четко особенности персонификации и, соответственно, характер счастья проявляют глаголы, интерпретируя которые можно сказать, что **Счастье** в русских пословицах своевольно и своенравно, а также лениво: оно действует согласно своему желанию и прихотям: *приходит и уходит, покидает и не везет, захотело и село, обманывает и скрывается*. У русского Счастья характер противоречивый: оно *нападает, отпадает, портит, вянет*, а с другой стороны оно *помогает, и любит* (хотя и дураков), а так же *служит и ума прибавляет*. Молдавское Счастье более проворно, оно *бежит, настигает, догоняет*; иногда *как камень в гору*, но все же *двигается*; если оно устает, то оно *дремлет, но не спит*. Таким образом, оно в большей степени подчиняется своему хозяину, чем русское. Оно *помогает, служит* и даже *наливает*, но *оброком не делится* и может *ударить*. Молдавское Счастье эмоциональнее русского: оно и *плачет, и улыбается, и смеется*, русское же только *улыбнется и, как солнышко, скроется*. Если же счастье объект, то в русских пословицах оно, прежде всего, неудовимо и независимо; в молдавском оно упрямо (см. Табл. 3).

Культурно-языковая специфика проявляется и подтверждается при анализе русских и молдавских паремий с точки зрения системы культурных кодов (по Красных) (см. Табл. 4).

Счастье в русском и молдавском провербиальных концептах актуализируется через представления о повседневном крестьянском быте, через национально-специфические реалии, которые соотносятся по общей структуре (средства передвижения, деньги и материальное благосостояние, еда, предметы быта, животные, растения и др.), но различаются в деталях, которые позволяют сделать вывод о более системном проявлении и нагнетании в молдавском провербиальном концепте **счастье** компонента **трудолюбие** и установки на старание и собственные усилия (см. особенно соматический, временной и духовный коды). В то же время характерностью для русских пословиц является проявление высоких параметров соборности, апелляция к Богу, правде и совести.

Табл. 4. Русские и молдавские пословицы с компонентом «счастье» через призму системы культурных кодов (по Красных).

КУЛЬТУРНЫЙ КОД	РУССКИЙ	МОЛДАВСКИЙ
СОМАТИЧЕСКИЙ (ТЕЛЕСНЫЙ)	Голова, руки, кудри, рожа, глаза, рот, зубы, пальцы, ноги.	Голова, руки, волосы на голове, спина, нога.
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ	Дом, духовная крепость, двор, вокруг, да около дорожка; лес, по сучкам и веточкам; вешни ведро; солнышко, звезда; под мозолями.	Место, дорога, церковь; гора, рыпа; огонь, вода.
ВРЕМЕННОЙ	Дни, сон ¹ , к обеду ² .	Дни, раньше, позже, рано, час, март, апрель, май, год.
ПРЕДМЕТНЫЙ	Карета, сани, крылья, костыли; деньги, дырявая сума, куль, золотники, алтын, клад, кошелек; хлеб, калач в меду; игра, мост, чашка, решето дырявое, ком, платье, карты, оглобли, решето, кляп, палка.	Повозка, колесо; деньги, оброк; мамалыга, соус, котелок, ложка; уголь, камень, пыль; лестница, шерсть, колючки, поток, черт, ладан, палка, иглолка.
БИОМОРФНЫЙ	Гриб, чернослив, репа лебеда; медведь, петух, конь, пташка, перепелка, птица, корова, лошадь, курочка, осел, вол, волк, кобыла.	Базилик; корова, лягушка, собака, овца.
ДУХОВНЫЙ	Ум, дума, бог, надежда, правда, совесть.	Ум, разум, честь, старание.

Литература

- Абрамов Н. 1999. Словарь русских синонимов. М.: Русские словари.
- Воркачев С.Г. 2002. Концепт счастья: значимостная составляющая. Краснодар.
- Воркачев С. Г., Воркачева Е. А. 2003. Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая // Массовая культура на рубеже XX–XI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, С. 263–275.
- Воркачев С. Г. 2001. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка Т. 60. № 6. С. 47-58.
- Даля В.И. 1984. Пословицы русского народа Сборник. В 2-х т. М.: Худож. лит.
- Залялеева А.Р. 2004. Концепт «счастье» в современном русском языке // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина. Казань: Казанский университет. С. 268-269.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г. 2001. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ. С. 75-78.
- Колесов В.В. 2002. «Судьба» и «счастье» в русской ментальности // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сб. к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Сер. «Мыслители». Выпуск 11. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. С. 98-106.
- Красных В.В. 2002. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис.
- Львов М. 1984. Словарь антонимов русского языка М.: Наука.
- Молдавские пословицы и поговорки с русскими эквивалентами. 1987. Кишинёв: Штиинца.
- Ожегов И. 1989. Словарь русского языка М.: Русск. яз. Русские пословицы и поговорки. 1988. Под редакцией Аникина В.П. М.: Худож. лит.
- Русско-румынский словарь. 1992. Ch.: Logos.
- Фасмер М. 1971. Этимологический словарь. М.: Прогресс.
- Cioranescu A. 2002. Dictionar etimologic al limbii romane. B.: Saeculum I.O.
- De la lume adunate. 1992. Ch.: Hyperion.
- Dictionarul explicativ al limbii romane. 1996. B.: Univers enciclopedic.
- Dictionar rus-romin. 1992. Ch.:
- Dictionar de proverbe si zicatori romanesti. 2003. B. Seche L., M. 1982. Dictionar de sinonime al limbii romane. B.: ARSR.
- Vinteler O. 2002. Dictionar de antonime. V. I, II. Dacia: Cluj-Napoca.

¹ Во сне счастье

² Счастье к обеду